

РИТОРИКА – ЭТО НАУКА БУДУЩЕГО¹

О.В. Никитин

Ключевые слова: риторика, словесная культура, аргументация, риторическая ситуация, правила ораторской речи, аудитория.

Keywords: rhetoric, verbal culture, argumentation, rhetorical situation, rules of public speaking, audience.

В последнее время мы часто из уст разных людей слышим слово *риторика*, в которое вкладывается совсем разный смысл: от «бытового» значения ‘красивое говорение, выступление’ до собственно научного, в котором содержание данного понятия включает такие категории, как *способы убеждения, теория речи*. Многие забывают, что у риторики есть вполне четкие и организованные по филологическим принципам правила, есть своя глубокая традиция, в том числе и отечественная. Имена Н.Ф. Кошанского, А.Ф. Мерзлякова и других зачинателей «гражданской» риторики сейчас начинают только возвращаться.

Но все же, несмотря на годы гонений на эту науку и фактически ее отталкивания на периферию филологии, в конце XX века произошел определенный переворот в сознании как самих педагогов, так и ученых-словесников, по-новому оценивших возможности и современный потенциал этой древней науки. Именно она сейчас учит тому, как следует изображать и располагать свои мысли, как можно воспитывать человека через словесное искусство. По сути дела, и в этом отношении можно согласиться с одним из известных исследователей риторики В.И. Аннушкиным, риторика сегодня – это теория речи развитого информационного общества [Аннушкин, 2008]. И в этом смысле риторика – часть общей науки о Слове.

В современном освещении данной проблематики важны идеи и опыт мастеров словесного искусства, которые формируют грамотное представление об этой науке, дают оценки прошлым достижениям, показывают пути развития риторической мысли в наше время, изучают актуальные для практического освоения предмета вопросы

¹ К 70-летию профессора А.А. Волкова.

духовного красноречия и публичной речи и в итоге создают во многом новую теорию этой исключительной науки.

В числе таких ученых одно из первых мест принадлежит профессору МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Волкову, посвятившему исследованию риторики немало трудов, теперь уже составляющих, как бы мы сказали, библиотеку для каждого образованного филолога. Но особое значение в его научном поиске занимают две книги: «Теория речевой аргументации» [Волков, 2009a] и «Курс русской риторики: пособие для духовных учебных заведений» [Волков, 2009б].

В нашей работе мы сделали небольшой обзор или анализ указанных трудов А.А. Волкова, постарались включить его идеи в контекст размышлений современных ученых, а в качестве лейтмотива взяли такой девиз: «Риторика – это наука будущего». Почему? Потому что эти книги возрождают профессиональный интерес к риторике как предмету, пронизывающему, без сомнения, все сферы человеческой деятельности, в центре которой стоит проблема организации речевых отношений в обществе. Едва ли можно найти более актуальную проблему в практической плоскости филологии.

Первая книга посвящает нас в существо риторической литературы, целью которой является убеждение слушателя или читателя в приемлемости выдвигаемых автором идей, значит, она содержит и риторическую *аргументацию*, построение которой есть своего рода словесное искусство со своей наукой и методологией.

Прежде всего А.А. Волков дает исторический обзор риторических идей, начиная с Аристотеля и завершая первую главу риторикой XX века. Это необходимо для того, чтобы показать, как складывалась данная наука, и выявить главные свойства риторической аргументации. Так, например, анализируя идеи Аристотеля, А.А. Волков выводит такое заключение: «По мысли Аристотеля, речевая аргументация может быть двух типов – *техническая*, основанная на умозаключениях, и *нетехническая*, основанная на фактах» [Волков, 2009a, с. 29]. В эпоху античности эта наука была неотделима от философии, в рамках которой значительное время обсуждались и решались все словесные искусства. Именно то время дало толчок к формированию базы интуитивных знаний, впоследствии упорядоченных и выстроенных системно. Риторика античности — полемическая наука, и такой «настрой» сближает ее пафос с противоречиями сегодняшнего дня: «Возможно ли рациональными методами установить и доказать истину там, где она связана с

несовместимыми целями и интересами людей (например, в религии, праве, истории)?» [Волков, 2009а, с. 42].

Риторика Средних веков несет иной акцент: она ориентирована в основном на проповедь – гомилетику, то есть связана с богослужением. «Гомилетика, – пишет А.А. Волков, – представляет собой принципиально новое явление в истории культуры. Гомилетика отличается от оратории строением речи и образом ратора» [Волков, 2009а]. Для этого периода характерны такие жанры риторической словесности: письменные сочинения, послания, ораторские речи.

Византийская риторика привнесла в эту науку светский элемент, а сама риторика изучалась в триумвирате вместе с грамматикой и логикой. В этот период обсуждаются вопросы стилистики, этики и выразительности речи (в сочинениях Михаила Пселла). А.А. Волков подмечает такие особенности в трудах этого автора: «Для построения речи необходим отбор слов, но в речи соединяются слова разного эстетического достоинства, различной формы и различного происхождения – высокие, низкие, обычные, красивые, некрасивые» [Волков, 2009а, с. 48].

А.А. Волков кратко касается и отечественной традиции XVIII–XIX веков: обсуждает труды М.В. Ломоносова, руководства Н.Ф. Кошанского. Автор говорит и об отрицательных тенденциях: «Во второй половине XIX века риторика была исключена из системы образования, а ее место заняло обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни» [Волков, 2009а, с. 68].

Новый этап развития риторики – XX век – связан с эволюцией функциональных стилей и изменением всей системы речевых и литературных жанров и, конечно же, с сильным влиянием идеологии. В этой части А.А. Волков говорит об идеях В.В. Виноградова и Ю.В. Рождественского. Завершается глава определением ключевых категорий и понятий риторики: *аудитория, диалог, монолог, дискурс, убеждение, аргументация, научная и риторическая проза* и др.

Вторая глава книги показывает коммуникативные возможности риторики и оценивает проблемную ситуацию. Автор разграничивает понятия *содержание проблемы* и *модальность проблемы*, говорит о *статусе* проблемы – анализируются философская, юридическая, социальная и филологическая составляющие риторического процесса. Его неотъемлемым участником является *аудитория*, с которой связан принцип построения словесного общения: *ритор – высказывание – аудитория* [Волков, 2009а, с. 162]. По мнению

А.А. Волкова, «...соотношение ратора и аудитории остается одной из самых трудных этических и интеллектуальных антиномий риторики: аудитория выносит решение о высказывании и задает ратору правила содержания, уместности, построения его высказываний и даже определяет право ратора на публичную речь, а ритор не только управляет решениями аудитории, но и создает ее, организуя и формируя ее своим словом» [Волков, 2009a, с. 163].

Важными для современного понимания принципов речевой аргументации представляются оценка культурного состояния аудитории (так у А.А. Волкова), ее численности, уровня разнородности и конвенциональности. К последнему типу автор относит «аудитории, объединенные техническими правилами речи, которые рассматриваются как общепринятые» [Волков, 2009a, с. 171]. Таковой, по А.А. Волкову, является судебная коллегия.

Наконец, риторическая ситуация не может состояться без ратора. А.А. Волков показывает образ ратора и черты, формирующие его стиль. Ясно, что освещение такого тонкого вопроса невозможно без комбинаций трех категорий, содержащих правила использования публичных выступлений: «**этос** — совокупность норм, на основе которых аудитория оценивает ратора по речи...»; «**пафос** проявляется в авторском замысле и индивидуальном стиле речи...»; «**логос** — система целесообразных средств выражения замысла речи и его обоснования в форме, приемлемой и убедительной для аудитории» [Волков, 2009a, с. 174].

Интересным и полезным считаем освещение «ораторских нравов» с этико-философской и филологической сторон. По А.А. Волкову, это – *честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность*. Ученый характеризует и понятие *стиль* «как проявление риторического этоса» [Волков, 2009a, с. 198–211], а также говорит о том, каков должен быть «риторический идеал» [Волков, 2009a, с. 211–216]. Показательны выделенные автором общие черты, свойственные наиболее влиятельным риторам с XII по XX век (всего 12). Из них отметим такие:

«...2. Осознанная цельность личности: русский ритор последовательно придерживается того, во что он верит, и от веры своей не отступает даже в том, что можно бы счесть и несущественным. <...>

4. Бескорыстие и праведность личной жизни. <...>

5. Соответствие задач и содержания речи общественному положению ратора: всякое самозванство оценивается крайне негативно как проявление корысти, невежества и лицемерия. <...>

7. Понимание уместности речи... <...>

8. ... готовность к личной ответственности за слово как поступок. <...>

11. Народность речи, ее простота и доступность.

12. Полемичность речи, смысл и назначение которой понимается как необходимая борьба за правду. Поэтому полемика – исполнение нравственного долга, а не самоутверждение» [Волков, 2009а, с. 216–217].

Третья глава исследует «риторический аргумент», его строение и свойства. Особое внимание автор уделяет топике: он рассматривает *топ* как «посылку аргумента», говорит об иерархии топов и их типах – выделяет *описательные (обстоятельственные)* топы, топы *определения* и *сравнительные* топы. Здесь же он знакомит читателя с ключевыми понятиями и прежде всего поясняет суть термина *аргумент*: «Аргументом... мы будем называть фрагмент высказывания, содержащий обоснование мысли, приемлемость которой представляется сомнительной.

Обосновать – значит свести сомнительную или спорную для аудитории мысль к приемлемой» [Волков, 2009а, с. 227].

Из других понятий в этой части раскрываются следующие: *положение аргумента*; *обоснование*; *общее место, или топ*; *словесный ряд* и др. Данная глава интересна тем, что А.А. Волков оперирует не столько общепилологическими понятиями, сколько общекультурными, приближая тем самым предмет изучения (риторику) к мировым гуманистическим ценностям – религии, науке, искусству, нравственности, праву, государству, личности и т.д. Эта часть книги, на наш взгляд, наиболее «математична» в том смысле, что автор дает и конкретные схемы аргументов (см. с. 266 и далее), что исключительно ценно для практического освоения того, как и с какой целью создаются реальные аргументы речи. Вместе с тем эта часть, по нашему мнению, и наиболее философична, так как оценивает ключевое понятие в «риторическом дискурсе», где происходит «постоянное обращение слов и значений»: «Слова объединяются в группы различного рода по общности тех или иных компонентов значения, которые представляются существенными для поставленных целей, или, наоборот, обособляются, или противопоставляются там, где стоит задача – противопоставить соответствующие предметы мысли» [Волков, 2009а, с. 298].

Четвертая глава книги «Классы риторических аргументов» выясняет отношение аргумента к реальности, авторитету и аудитории. «Аргументы к личному авторитету, – по мнению А.А. Волкова, – самый распространенный вид риторических аргументов. Они встре-

чаются практически в любом риторическом произведении, в особенности в судебной ораторике и в журналистике» [Волков, 2009а, с. 336]. Мы бы добавили, что количество подобных примеров велико в деловой письменности, особенно в той традиционной «приказной» культуре, которая существовала на местах почти до конца XVIII столетия (см. подробнее: [Никитин, 1999; 2004]). Яркие примеры этому можно почерпнуть из региональных источников, во многом сохранивших колорит средневекового риторического аргумента и использовавших эту схему почти безукоризненно. Вот, например, в изданном нами сборнике «Сийских грамот XVIII века» есть такой замечательный фрагмент, начинающийся словами: «*Высокопреподобнѣишій Гднѣ оцѣ архимандрит Парфеніи Милосердый нашъ Горѣ вашему высокопреподобию объявляемъ что по прикасанію вашему...*» [Никитин, 2001, с. 118].

Между прочим, стоит заметить, что слово в риторике – не только «аргумент», но и определенный заданный образ, который может реализоваться по-разному. Все чаще у нас говорят сейчас о слове как отражении духовной и материальной культуры народа (см., например: [Лингвистическое отечествование, 2001]) и т.д. В риторике – своя *система образов*.

Как раз заключительная глава книги и посвящена системе образов. Автор рассматривает такие составляющие словесного ряда, как образы ратора, аудитории, оппонента, предмета речи, а также говорит об образном пространстве и об оппозиции образов. Все это вопросы, решаемые в рамках «универсальности аргументации», но каждому словесному ряду соответствует определенный «образ». Так, заслуживает внимания следующее наблюдение А.А. Волкова: «Образ аудитории не является изображением данной, реальной совокупности людей, к которым обращается оратор или писатель, а предстает как некое идеальное *мы* или *я* в зависимости от вида речи, которое в силу своих нравственных и интеллектуальных качеств готово принять то правильное решение, которое ритор предлагает как достойное этого *я* или *мы*. Стилистическая же задача ратора и состоит в том, чтобы реальные слушатель или читатель согласились отождествить себя с этим идеальным образом» [Волков, 2009а, с. 355].

Вторая книга А.А. Волкова «Курс русской риторики» создана на основе лекций, читаемых автором на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и в Московской духовной семинарии (академии), и рекомендуется для студентов как светских, так и духовных учебных заведений. Поэтому книга имеет несколько боль-

ший, по сравнению с предыдущим трудом, методический акцент. «Главная педагогическая цель риторики, – пишет А.А. Волков, – речевая компетентность: выработка индивидуального стиля на основе умения строить завершённые устные и письменные высказывания на определённую тему в определённой форме, что и составляет основу искусства целесообразного слова» [Волков, 2009б, с. 9]. Эта книга прежде всего *учит* тому, как строить письменную и устную речь. И автор даёт четкий ответ на данный вопрос: надо «(1) знать теорию риторики; (2) изучать классические произведения риторической прозы; (3) упражняться в построении различного рода устных и письменных высказываний, усвоить навыки самостоятельной творческой работы со словом; (4) говорить и писать публично» [Волков, 2009б, с. 10].

Главы этой книги, частично пересекающиеся с первым трудом (см., например, рассказ о риторическом аргументе и топике), но дополняющие его иным отношением к «риторической прозе» и нацеленностью на обучающуюся публику, последовательно и системно излагают основные понятия и содержание этой науки, предмет которой А.А. Волков выразил предельно лаконично: это язык и словесность. Важнейшие свойства человеческого языка: *номинативность, предикативность, членораздельность, рекурсивность, диалогичность* — соотносятся со словом, существующем «не само по себе, но в системе имен, которые в совокупности образуют картину мира и предполагают определенный образ действия в нем» [Волков, 2009б, с. 15]. Показательно, например, такое качество языка, как *рекурсивность* — «свойство языка образовывать бесконечное число высказываний из ограниченного набора строевых элементов» [Волков, 2009б, с. 17].

В трактовке строения *словесности* А.А. Волков полагается на взгляды проф. Ю.В. Рождественского [Рождественский, 1996; 2004 и др.] и выделяет устную, письменную, печатную словесность и массовую коммуникацию. Последняя все более стала напоминать технологические тексты, создающиеся для принудительного сообщения и часто подавления аудитории. Можно согласиться с А.А. Волковым, что «массовая информация находится за пределами культуры» [Волков, 2009б, с. 59], но тем не менее осознанно формирует принципы новой риторики. Близко к ней стоят и так называемые социальные диалекты, выделившиеся в особую подсистему и имеющие глубокие культурно-исторические корни (см., например: [Никитин, 1998, с. 24–37]).

В данной книге автор подробно излагает строение этой науки, покоящейся на трех китах: изобретении, расположении и элокуции. Последний термин реже применяется в современных пособиях и требует пояснения: «Элокуцией называется раздел риторики, в котором рассматриваются средства и приемы словесного выражения замысла» [Волков, 2009б, с. 245]. Автор освещает такие понятия, как *слог*, *стиль*, *тропы*, *построение высказывания* и др. Важным свойством нормированной речи ученый считает чистоту слога – «однородность речи в отношении к общим и частным нормам литературного языка» [Волков, 2009б, с. 251]. Нельзя не согласиться с таким высказыванием ученого: «Речь ценят не за умные слова, а за мысли. Чтобы сохранить чистоту речи, следует избегать нагромождения ненужных иностранных слов и варваризмов, калькирования иноязычных слов, словосочетаний и оборотов речи» [Волков, 2009б].

Интересны наблюдения А.А. Волкова над тем, как должна осуществляться работа над стилем: от отбора и использования слов, «которые составляют основу содержания текста» до «членения и организации текста в целом, согласования приемов выражения, устранения длиннот и повторов и восполнения смысловых пробелов» [Волков, 2009б, с. 260].

В этой же части говорится и о фигурах речи, оформляющих риторический текст – это фигуры выделения и диалогизма: добавления и повторы, плеоназм, синонимия, градация, экзергазия («фигура, которая состоит в добавлении к словосочетанию или обороту синонимических выражений» [Волков, 2009б, с. 275]), реприза, анафора, эпифора и др.

Наконец, большую практическую ценность имеют материалы, излагаемые в последней главе, где говорится об «исполнении речи». А.А. Волков дает «Правила произнесения ораторской речи» (всего 40!) и «Общие правила ведения диалога, которые состоят из «Правил говорящего и слушающего» (пять), «Условий продолжения диалога» (шесть) и «Правил защиты говорящего от слушающего и слушающего от говорящего» (девять). Во многом интересно описание *пафоса*, *этоса* и *логоса* полемического диалога – своего рода руководство к практической риторике спора.

Замечательно, что учебное пособие содержит хрестоматию текстов, куда включены слово «О любви к Отечеству и народной гордости» Н.М. Карамзина, высочайший манифест императора Александра I «О изгнании неприятеля из России», «Слово в день свершившегося столетия Московского университета» святителя

Филарета, сочинения и речи Н.В. Гоголя, архиепископа Харьковского Амвросия (Ключарева), К.П. Победоносцева, Вл.С. Соловьева, П.А. Столыпина, С.А. Андреевского, протоиерея В. Свенцицкого, И.Р. Шафаревича, митрополита Иоанна (Снычева), расширяющие представление о типах и жанрах «риторической прозы» – от духовной и юридической до художественной и математической.

К достоинствам автора мы, несомненно, относим четкое расположение и объяснение очень непростого материала (особенно когда А.А. Волков говорит о теории проблемы), обилие интересных и разных примеров (от классических образцов риторики античности до богословских проповедей и бытовых эпизодов, показывающих богатство риторических приемов и пути совершенствования словесности). В книгу вводятся и осмысляются многочисленные специфические термины, балансирующие на грани гуманитарных наук прошлого и настоящего.

Важно и то, что ученый для иллюстрации своих взглядов и подтверждения аргументов использует не совсем типичные контексты и вообще прибегает к обильному цитированию риторических текстов и их авторов – от христианских святых и проповедников до мыслителей русского зарубежья. В частности, заслуженно говорится об И.А. Ильине, представлены имена и идеи Ф.М. Достоевского, П.А. Столыпина, Н.С. Трубецкого, А.Ф. Лосева и многих других деятелей, которые в таком контексте и с такими акцентами нами воспринимаются впервые. Обращением к ним А.А. Волков и читателей невольно посвящает в свою «риторическую философию», расширяет границы самой науки, обостряет филологический вкус к чтению и осмыслению риторической прозы в том числе и в русле современных лингвистических методов анализа семантики высказывания и построения текстов разных жанров и типов.

С точки зрения лингвиста-историка, черпающего свои идеи из трудов далекого прошлого, нам кажется, что стоило бы уделить больше внимания проблемам русской риторики XVIII столетия: как она складывалась в трудах отечественных философов и филологов, какие самостоятельные идеи они выдвигали, как они соотносились с мировой традицией и т. д. А.А. Волков отчасти говорит об этом. Но все же XVIII век таит в себе еще немало открытий (см., например: [Никитин, 2009]). Взять хотя бы известного драматурга А.П. Сумарокова, чья забытая ныне работа «О российском духовном красноречии» представляется нам весьма ценной в аспекте обсуждения данной проблематики.

А.А. Волков прав, когда говорит о том, что «риторика – это филологическая наука с необычной исторической судьбой» [Волков, 2009а, с. 7], и убеждает нас снова познавать ее не только как источник мысли и «культурной нормы» в языке и слове, но и как особый социальный инструмент, влияющий на общественное сознание, нередко манипулирующий им, способный создавать и утверждать социоязыковые стереотипы, без знания которых невозможно ощущать себя в современном мире и, быть может, противостоять ему. Примечательно в этом смысле высказывание Аристотеля, как будто обращенное к нашему времени: «Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения поставляются не должным образом, то истина и справедливость побеждаются своими противоположностями, что достойно порицания» (цит. по: [Волков, 2009а, с. 21]).

Изучение риторики помогает нам решить (а точнее, немного приблизиться к решению) и еще одну очень важную проблему истинности в филологических исследованиях (см., например: [Хроленко 2013, с. 36–37]). Понимание есть единственный путь к постижению слова и текста. Значит, диалогизм – еще одна черта филологического познания, которая позволяет в системе *я – другой* найти подступы к истине через оппозиции, через образ *другого* слова, *другой* речи. Ср. в этом отношении показательное высказывание М.М. Бахтина: «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогичным» [Бахтин, 1986, с. 383]. И риторика в этом отношении – одна из самых «природных» наук, остро чувствующая диалогичность мысли, умеющая структурировать мысль, задать ей правильное русло.

Наш анализ работ А.А. Волкова в контексте размышлений над становлением современной традиции риторического знания показывает, насколько актуальной и пока еще недостаточно осознанной в образовательном процессе является эта древняя наука – риторика, учащая нас и видеть художественный текст, и противостоять шаблонам «массовой коммуникации», и понимать «культурное состояние» аудитории, и логически, аргументированно мыслить. Значит, риторика – наука будущего!

Литература

Аннушкин В.И. Искусство мыслить и говорить. Риторика и культура речи. Спор-площадка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_3356.html

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1980.

Волков А.А. Теория речевой аргументации. М., 2009а.

Волков А.А. Курс русской риторики: Пособие для духовных учебных заведений. М., 2009б.

Лингвистическое отечествоведение. Елец, 2001. Т. 1.

Никитин О.В. Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических систем проф. В.Д. Бондалетова) // Четвертые Поливановские чтения. Смоленск, 1998. Ч. II.

Никитин О.В. Проблемы изучения русской деловой письменности в научных воззрениях В.В. Виноградова // Вопросы языкознания. 1999. № 2.

Никитин О.В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М., Смоленск, 2001.

Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. Дис. д-ра филол. наук. М., 2004.

Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров и его роль в истории русской лингвистической традиции XVIII века. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41666.php>

Рождественский Ю.В. Общая филология. М., 1996.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 2004.

Хроленко А.Т. Основы современной филологии. М., 2013.